

предков, очевидцев событий. Э. Д. Фролов, описывая этот и другие случаи расплаты Дионисия Старшего со своими наемниками земель завоеванных сицилийских городов, называет эти территории военно-земледельческими колониями [11, 428-430]. Значит перед нами явление того же порядка, что и наделение земель военных колонистов в Афинах или позже, в эллинистических монархиях на Востоке. В IV–III вв. до н. э. источники фиксируют этрусских наемников в войсках Агафокла Сиракузского (Diod. Sic. XX, 11, 1; 64, 2; XXI, 3, 1–2). Они также могли после возвращения принести на свою родину термины для обозначения наемных воинов, держателей земельных участков на Сицилии.

В нашей надписи владение названо участком умершего точно так же, как это делалось в Афинах классического периода, когда действовал закон Солона начала VI в. до н. э. Нам известно, что, согласно Исею, завещать землю можно было только по усыновлению (Is., VI, 10; VII, 1–4). Можно обратить внимание и на сообщение Аристотеля, где говорится о фиванских законах об усыновлении, написанных для сохранения земельной собственности (Aristot., Pol., II, 9, 7, 1274b, 5). Даже во времена Демосфена завещать земельный надел можно было также лишь по усыновлению, и при этом клер продолжал называться именем умершего (Demosth., XLIV, 1–2) [12, 176, пр. 4]. Разные гентильные имена говорят о том, что у персонажей надписи не было кровного родства. То, что человек с двумя сокращенными преноменом и патронимиком оказался отцом второго лица (тот назван сыном), говорит о том, что Авл Латини унаследовал участок благодаря усыновлению, но сам не был сиротой, ибо назван полным двусоставным именем, причем гентильное имя было довольно известным для Клузия и Вольсиний (Орвьето) (CIE, № 1758, 1759, 2357, 2373, 4988).

Подведем итоги. Надпись не является погребальной, а представляет собой межевой знак с отметкой владельцев земельного надела. Датировку по палеографическим особенностям написания букв предполагаем ранее III в. до н. э. Лексему *ser* считаем сокращением преномена *servei*, *hilar* определяем как обозначение земельного участка, *claruχies*, очевидно, являлось термином в генитиве для обозначения военного колониста, образованном как личные имена этрусков. Полный перевод надписи: «а) ¹Не Сервий, сын Вела, Ремзна и сын ²Авл Латини (здесь) покоятся, б) а граница земли (владений, земельного участка) покойного (умершего) с) клеруха)».

Библиографические ссылки

1. Canuti M. Il cippo Bucelli (ET Cl 8.5 CIE 886) e alcune considerazioni sui limiti dell'interpretazione dell'etrusco con in appendice la presentazione di un'iscrizione latina inedita della collezione Santi Betti // Chiusi e il Mediterraneo Antico. Il Gruppo Archeologico "Città di Chiusi". Ciclo di conferenze (17 ottobre 2015). Chiusi, 2015. P. 1–26.
2. Харсекин А. И. Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности. Ставрополь, 1963.
3. Pittau M. Dizionario della lingua etrusca. Dictionary of The Etruscan Language. Dublin: Ipazia Books, 2018.
4. Pittau M. La lingua etrusca: Grammatica e Lessico. Dublin: Ipazia Books, 2018.
5. Benelli E. Alphabets and language // Etruscology / Ed. A. Naso. Vol. I. Boston / Berlin, 2017. P. 245–274.

БУДЕТ НЕКОГДА ДЕНЬ И ПОГИБНЕТ СВЯЩЕННАЯ ТРОЯ... РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИБИЯ

А. Н. Гур

Минск, Белорусский государственный университет, html1994@mail.ru

В статье рассматривается видение Полибием будущего Римского государства. Отмечается взаимосвязь между моральной деградацией граждан и ослаблением государства. Обращается внимание на наличие органической теории происхождения государства в историческом сочинении Полибия.

Ключевые слова: Полибий; теория происхождения государства; Римское государство.

The article considers Polybius' vision of the future Roman state. The interrelation between moral degradation of citizens and weakening of the state is noted. Attention is drawn to the existence of an organic theory of the origin of the state in the historical work of Polybius.

Keywords: Polybius; theory of the origin of the state; the Roman state.

Становление и рост Римского государства – вопрос первостепенной важности для Полибия. По существу, вся его работа представляет собой историю рождения огромной мировой державы, сумевшей охватить в своих границах весь обитаемый мир. Это Полибий и объявляет целью своего исторического сочинения: «о чем мы вознамерились писать, составляет единый предмет и единое зрелище, именно: каким образом, когда и почему все известные части земли подпали под власть римлян» [4, с. 166].

Но считал ли Полибий Римскую республику таким незыблемым государством, которому суждено «вечно» править покоренными народами и всем обитаемым миром? Обратимся к тексту источника. Согласно убеждениям самого Полибия, любое государство в конечном итоге вступит в состояние упадка и гибели: «Так как всякое тело, всякое государство и всякое предприятие согласно природе проходят состояние возрастания, потом расцвета и наконец упадка» [4, с. 485]. Из этого следует, что Полибий является сторонником органической теории происхождения государства. Следовательно, ни одну из рассматриваемых держав, в том числе и Римскую республику, Полибий не мог считать незыблемой, так как любому биологическому организму суждено пройти путь от рождения к гибели. Анализируя процессы, протекающие внутри страны, Полибий попытался определить то состояние, в котором находилась современная ему Римская республика. Огромная держава, только закончившая широкие завоевания в Африке и на Балканах представляла собой мощное и дееспособное государство. Однако даже в состоянии расцвета Полибий сумел усмотреть тревожные признаки, которые свидетельствовали о начале морального разложения римских граждан, преимущественно, молодежи. Но в таком случае, возникает вопрос, как связаны между собой процветание государства и моральное разложение? Дело в том, что состояние процветания государства для Полибия – это, одновременно и благо, и большое искушение. По достижении т.н. «золотого века» любая держава испытывает небывалый расцвет в экономике, культуре и т. д. Здесь и кроется главная опасность для его граждан. В беззаботные годы они как никогда ранее подвержены различным соблазнам [8, р. 74–75].

Эллинистический историк был убежден, что именно это погубило некогда могущественный Карфаген. Моральное разложение граждан привело к деградации государственных институтов пунийцев, которое в лучшие годы могли посоперничать с римскими. Потому, мнение Полибия о связи процветания и моральной деградации, безусловно, относится и к будущей судьбе Рима. При жизни историка государство только вступило в свой «золотой век». Однако коррозия морального разложения уже начала поражать высшее римское общество, и Полибий это хорошо понимал [6, с. 8].

Вспомним полные тревоги слова Марка Порция Катона, который сообщал о пристрастиях римской молодежи к заграничным предметам роскоши и трате огромных сумм на их приобретение: «триста драхм платили за бочонок сельдей из Понта, а за красивых мальчиков давали больше стоимости полевого участка» [5, с. 366]. Но неужели упадок нравов так быстро извратил моральные устои народа, которым Полибий так восторгался в начале своего сочинения? Очевидно, что нет. Как апологет завоеваний Рима, историк стремился показать, что моральная деградация коснулась далеко не всех. А в отдельных случаях римские военачальники собственным примером воспрепятствовали недостойному поведению. В данном случае наиболее интересна фигура консула Луция Эмилия Павла. Полибий сообщает, что после битвы при Пидне в руках римского консула оказались огромные богатства, принадлежавшие ранее македонскому царю Персею. Тем не менее, Луций Эмилий Павел проявил присущую римлянам сдержанность и не поддавался искушению [5, с. 177]. Спустя двадцать лет, при завоевании Карфагена поступок отца повторил его сын – Публий Корнелий Сципион: «Когда Публий Сципион, родной сын Эмилия, и усыновленный внук Публия, именуемого Старшим, овладел Карфагеном, который почитался богатейшим городом в мире, он ничего решительно не перевел из этого города в свое частное владение ни куплею, ни каким-либо иным способом» [5, с. 178]. Судя по всему, данные примеры были не только своеобразным панегириком историка своему хорошему другу и его отцу. Вероятно, они носили еще и назидательный характер. Историк осознавал, что его труд, преимущественно, будут читать римляне. Потому, через вышеуказанные факты Полибий мог попытаться донести до своего главного читателя мысль о необходимости достойного поведения. В случае Карфагена Полибий обращает внимание на «упадок нравов» из числа сенаторов, т. е. людей, от которых напрямую зависят политические

решения государства. Если мы допустим мысль, что Полибий рассматривал развитие будущего Римской республики по «карфагенскому» сценарию, то нам следует обратить внимание на оценку поведения римского сената.

Ввиду фрагментарной сохранности последних книг сочинения Полибия можно лишь косвенно судить о том, считал ли историк римский сенат своего времени уже пораженным нравственным упадком. Сохранившиеся фрагменты косвенно подтверждают такую точку зрения. Вспомним 164 г. до н. э., когда сенат направил в Малую Азию легата Гая Сульпиция Галла для выяснения обстоятельств о правдивости слухов относительно заключения союза царя Пергама Эвмена III с Антиохом IV Эпифаном против Римской республики [3, с. 333]. Полибий неоднократно подчеркивает недостойное поведение римского чиновника как человека, необремененного высокими моральными качествами: «Гай охотно допускал всевозможные оскорбления и обиды против царя, вообще затягивал разбор всякого дела и жалобы, ибо человек он был легкомысленный» [5, с. 357–358]. Приведем другой пример. Полибий возмутил вынесенный вердикт римских аристократов относительно спора между Карфагеном и нумидийским царем Масиниссой о ливийских городах: «карфагеняне каждый раз проигрывали у римлян не потому, что они были не правы, а потому, что такие решения были выгодны для судей» [5, с. 371–372]. Таким образом, мы наблюдаем ситуацию, когда Полибий уже называет некоторые решения римского сената «недостойными». Вместе с ходом повествования изначальная восторженность Римской республикой у автора сочинения сменяется некоторым пессимизмом уже к середине. Полибий по-прежнему удивляется молниеносности римских завоеваний в Средиземноморье, однако все чаще задается вопросом: как долго римляне смогут обеспечивать свою гегемонию на таких широких территориях и как используют плоды своих завоеваний? Судя по всему, эта мысль занимала в точке зрения историка важное место. Исследователи не единожды проводили связь между Полибием и подобными изречениями более поздних авторов, в распоряжении которых находились несохранившиеся фрагменты труда Полибия [7, р. 35].

В этом отношении особенно пристальное внимание следует уделить Диодору Сицилийскому, у которого мы находим следующий фрагмент: «Эмилий, своим великодушным обращением с Персеем – допустив его к столу и дав место в совете – показал всем, что он был суров к тем, кто сопротивлялся ему, но заботлив к побежденному врагу. Поскольку были и другие, кого также затронули подобные отношения, всемирное правление Рима не доставляло им отвращения до тех пор, пока такие люди управляли империей» [2, с. 680]. Было установлено, что и предшествующий, и последующий отрывок в труде Диодора заимствован из труда Полибия. Потому, в исторической науке выдвигалось предположение, что и рассматриваемый фрагмент был заимствован из несохранившейся части «Всеобщей истории» [7, р. 35]. Если мы примем это предположение, то убеждения Полибия относительно будущего Рима сводились к следующему. Пока у власти находились такие достойные личности как Луций Эмилий Павел и Публий Корнелий Сципион, республиканские учреждения Рима смогут поддержать внутренний порядок на завоеванных территориях. Однако когда бразды правления перейдут к людям, которых постигло моральное разложение, против недостойной власти поднимутся покоренные народы. Это будет означать, что государство уже вступило в стадию гибели, когда оно уже не может совладать со внутренними и внешними опасностями.

Подводя итоги, отметим – какие бы восторженные эпитеты не высказывал Полибий Римской республике и ее государственным учреждениям, все же признавал, что и это государство в конечном итоге вступит в стадию гибели. Несмотря на то, что Рим его времени вступил в т. н. «золотой век», с грустью Полибий констатирует, что в среде римской молодежи начались пагубные процессы начала «упадка нравов», которые в конечном итоге привели ни одно государство к падению. При помощи своего сочинения историк назидательными способами попытался донести до римлян всю опасность, которая исходит от чрезмерного пристрастия к роскоши и расточительству. Очевидно, именно поэтому Полибий так пристально задумался о будущем Рима у стен горящего Карфагена, сопровождая консула Публия Корнелия Сципиона Младшего в его военном походе в Африку. Историк был убежден в том, что некогда могущественное государство пунийцев погубили его же граждане, вследствие полного морального разложения. Потому, неслучайно Полибий процитировал строки из «Илиады»

Гомера, ставшие для Римской республики мрачным переименованием: «Будет некогда день и погибнет священная Троя. С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама» [1, с. 116].

Библиографические ссылки

1. Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. В. Вересаева. М. : Гослитиздат, 1949.
2. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / Пер. с древнегреч. В. В. Латышев [и др.]. М. : Самиздат, 2012.
3. Ковалев С. И. История Рима. СПб. : «Полигон», 2002.
4. Полибий. Всеобщая история. В 2-х т. / Пер. с древнегреч. Ф. Мищенко: Т. 1. Кн. I–X. М. : ООО «Издательство АСТ», 2004.
5. Полибий. Всеобщая история. В 2-х т. / Пер. с древнегреч. Ф. Мищенко: Т. 2. Кн. XI – XXXIX. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
6. Трухина Н. Н. Политика и политики «Золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). М. : Изд. Моск. ун-та, 1986.
7. Caliri E. Il piano di Scipione Emiliano // *Hormos. Ricerche di Storia Antica*. 2013. №5. P. 26–43.
8. Eckstein A. M. *Moral Vision in the Histories of Polybius*. L. A. : University of California Press, 1995.

РОЛЬ ВОПРОСА О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИТАЛИЙСКИХ СОЮЗНИКОВ РИМА В ПОЛИТИКЕ ГРАКХАНЦЕВ В 120-Е ГГ. ДО Н. Э.

В. Ю. Монзуль

Минск, Национальная Академия наук Беларуси, monzul89@gmail.com

В докладе рассматриваются причины появления вопроса о гражданско-правовом статусе итальянских союзников (*socii*) в римской политической повестке в 120-е годы до н. э., связь итальянского и аграрного вопросов в Риме, роль римской политической культуры в тактике поздних гракховых реформ.

Ключевые слова: итальянские союзники; Рим; Гракхи; аграрные реформы.

The report considers the reasons for the appearance of the question of the civil and legal status of the Italian allies (*socii*) in the Roman political agenda in 120s BC, the connection between the Italian and agrarian issues in Rome, and the role of the Roman political culture in the tactics of the late Gracchan reforms.

Keywords: the Italian allies; Roma; Gracchi; agrarian reforms.

В современной историографии появление на повестке дня римской политики вопроса о гражданско-правовом статусе итальянских союзников Рима (*socii*) обычно рассматривается в контексте аграрных преобразований, начатых Тиберием Семпронием Гракхом в 133 г. до н. э. [2, р. 19–20; 3, р. 58–59]. Аграрная комиссия, образованная *lex Sempronia agraria*, вскоре после своего формирования столкнулась с рядом трудностей в реализации реформы. В 129 г. до н. э. крупные итальянские земледельцы обратились с просьбой о вмешательстве к самому влиятельному римскому политику этого периода, Сципиону Эмилиану, хорошо знакомому им по совместной военной службе. Эмилиан привлёк внимание коллег по сенату к проблемам итальянской земельной элиты и добился уступки: несогласные с действиями комиссии получили право апеллировать к консулу Гаю Семпронию Тудитану. Однако Тудитан предпочёл отправиться в поход в Иллирию вместо решения земельных споров (App. В. С. I, 19), что почти парализовало работу комиссии. Вскоре Эмилиан умер при невыясненных обстоятельствах [3, р. 60; 5, р. 74; 9, с. 48; 11, с. 130]. Обращение местной знати не только подчеркнуло существование нерешённых проблем в римско-италийских отношениях, но и продемонстрировало отсутствие действенных механизмов разрешения конфликтов: посредничество велось через единственного человека и остановилось с его смертью.

Гракханцы, столкнувшись с полной или частичной приостановкой деятельности аграрной комиссии, разработали новую политическую программу, которая стала непосредственным ответом на этот кризис. План состоял в заключении своеобразной сделки – добиться от итальянцев отказа от противодействия работе комиссии в обмен на предоставление им как минимум *ius provocationis* или полного римского гражданства [9, с. 57]. О существовании этой сделки сообщает Аппиан (App. В.С. I, 21). Глагол «ἀναγράφω» (основные значения – «записывать, переписывать; письменно излагать») используется им как для обозначения норм